

Короткая июльская ночь была на исходе. Первая ночь тишины. Несколько суток резкая какофония сражения заглушала все остальные звуки. Без перерыва бухали пушки, сыпались снаряды, трещали выстрелы. Приказы скорее угадывались по движению губ, выражению лиц командиров. Перекричать голос войны простой человек не в силах. Спать приходилось урывками. Сейчас бы и наверстать упущенное, но сон словно исчез с последними звездами на ночном небе.

Поняв всю бесполезность попыток уснуть, Ида вздохнула и выбралась из землянки.

Утро выдалось безветренное. Солнце не спешило начинать день. С наслаждением тянуло вверх тонкие лучи. Косилось на горстки туч, застрявших на небе после ночного дождя. Что-то высматривало за горизонтом. Увиденное пришлось светилу по вкусу. Оно лениво выдвинуло красный диск над линией горизонта. По бесцветному до сих пор небу мгновенно растекалась розовая краска. Она быстро подобралась к тучам, ловко впилась в их рыхлые тела. Тучи зазавели нежным девичьим румянцем и отпрянули на запад.

Утренний холодок еще проник за ворот и в рукава гимнастерки. А солнечные лучи уже прикоснулись теплом ко лбу. Нежно дотрагивались до кончиков ресниц. Пускали искры от пуговиц на гимнастерке. Еще немного, и выпуклые линзы утренней росы перестанут брызгать во все стороны мелкими радугами. Понесется новый день, новые приказы и задания. А пока можно несколько минут посидеть в одиночестве, полюбоваться рассветом, подумать о доме.

Вспомнилось низкое небо, плоско опирающееся на горизонт. Прямая линия конька над скатами крыши. Влажный туман по утрам, серыми клубами ползущий по спокойной поверхности пруда. Нерешительное щелканье первого соловья, свившего гнездо на молодой яблоне.

Ида сама не заметила, как тихонько запела:

— Улетай на крыльях ветра ты в край родной...

Сердце защемило от нежности и тоски. По беспечной довоенной жиз-

ВЫСОКАЯ ПОЗИЦИЯ

ни, крошечным пирожным пtifур, занятиям в консерватории. Концертому платью цвета чайной розы, которое она так и не надела. Толстой косе ниже колен, отрезанной острым столовым ножом перед уходом в военкомат. Мама только руками всплеснула:

— Ой ты... Ростили-ростили... косянку-то.

Произнесла, протяжно выделяя «рОстили кОсянку». Нежно погладила туго заплетенные светлые пряди. Завернула в старенькую наволочку, положила в комод:

— До лучших времен. Вернешься, шиньон сделаем...

— Ида, — раздался громкий шепот из землянки. — Ты чего разголосилась?

— Там тебе привольней, песня. Ты туда и улетай, — завершила тему Ида и ответила: — Я, Аня, тихонько. Высокую позицию вспоминаю. Разбудила тебя?

— Твое «тихонько» у фрицев в окопах слышно. У тебя ж глотка луженая. Сама проснулась.

— Выходи. Глянь, красота какая! Мы воюем, а природа свое дело знает. Рассвет красками играет.

Короткая июльская ночь была на исходе. Высокая позиция.

— И высокая позиция на весь фронт слышна.

Девушки рассмеялись. Их разговор прервали долетевшие со стороны противника слова:

— Пойте песни славы хану! Пой!

Ида ахнула от неожиданности. Аня показала из землянки, произнесла с укоризной:

— Я же говорила. Теперь держись.

Выразительный баритон умело вел мелодию. Невидимый исполнитель пел с небольшим акцентом, в одном месте исказив текст.

— Славьте силу да честь хана!

Что-то показалось знакомым в этом «да честь хана».

Певец тем временем старательно выводил:

— Грозный хан, хан Кончак. Славен хан, хан Кончак!

— Профессионально поет. Во весь голос старается, ничего не боится. Ну, мы тоже не лыком шиты.

— Ида, не смей!

А над позициями уже несся нежный мотив:

— Улетай на крыльях ветра ты в край родной, родная песня наша...

Ида закрыла глаза, чтобы не видеть испуганных глаз Ани, ее попыток прервать исполнение. Сейчас необходимо было остаться наедине с музыкой. Она всегда была спасательным кругом, пристанищем и утешением. Голос ласково перебирал ноты, набирал силу, поднимался в небесную лазурь и прозрачным куполом повисал над землей. Мотив кружил голову, будоражил кровь, рвал на куски военную реальность, увлекая в прошлое.

...Узкая программка в руках, гул партера, малиновый бархат кресел, капли сияющей хрустальной люстры. Звуки аккордов из оркестровой ямы, погружение зала в темноту, несколько секунд тишины. Первые такты увертюры, в которой величавость переплетается с мольбой, отчаянием и светом. Плавное движение тяжелого занавеса, судорожный вздох соседа справа. Восторженные глаза юноши, с которыми она пришла на премьеру «Князя Игоря». Долгий путь домой, обсуждение, споры, неловкие попытки повторить понравившиеся арии.

— ...да честь хана...

— Энгель, вот и нет... «Славьте силу, дочесть хана! Славы!»

— Где ты слово такое слышала, Идея? Дочесть? Не придумывай... Честь... это понятно... А «дочесть» это нелепица...

— Завтра в библиотеке посмотрим, кто прав.

Только «завтра» она напрасно прождала его в читальном зале, заложив нужную страницу клавира вчерашней программкой. Заболел? Дверь его квартиры открыли незнакомые немногословные люди в штатском. Соседи даже не вышли на лестничную клетку. Бормотали что-то невразумительное. Старушки на лавке у подь-

езда пожимали плечами и смотрели в сторону.

Идея... Он единственный называл ее полным именем. Не признавал уменьшительные имена, терпеть не мог уменьшительно-ласкательные. Говорил, чтоб жизнь удалась, нужно человека полным именем называть. Иначе будущее обрубаешь, не даешь ему сбыться. А уменьшительно-ласкательное обращение вообще сплошное лицемерие. Вот тетя Люся из двадцать шестой квартиры мужа Игорьком называет. Как маленького мальчика. Он сто пятьдесят килограммов весит и ругается, как сапожник. Копейки в дом не принесет, даже молоток в руках держать не умеет. Забивать может только «козла» во дворе.

Ида замолчала на полуслове, обескураженная догадкой.

Высокая позиция.

— Дочесть... Ну точно! Дочесть! Как же я сразу...

А с немецких позиций неслось:

— Славы да честь хана!

— Энгель, точно Энгель.

Ида оглянулась вокруг, как будто надеялась увидеть подтверждение своим мыслям. Звук выстрела хлестко рассек воздух. Песня прервалась на полуслове.

— Что это было, Аня?

— Выстрел.

— Я не о том.

— Поняла я. Не знаю. Семенчик придет, спросим. А... легко на помине.

Из пролески показался пожилой военный с винтовкой в руках. Он задорно прищурился из-под седых бровей и довольно топорщил усы. Весь вид говорил о невероятной удаче.

— Ну, Ида, молоток! И как додумалась фрица выманить? Я на этого ружья гада сколько времени потратил. А ты голосом взяла!

— Семенчик, так это ты стрелял?

— Кто же еще? — Семенчик огляделся вокруг. — Все спят. А я на старой березе высокую позицию занял. Давно эту шваль приметил. Только осторожный он очень. А тут ты со своим улетаем. Посодействовала, так сказать. Ладно, пойду покемарю чуток.

— И нам пора, — тихо пробормотала Аня.

Наталья ДЕРЕВЯГИНА

После оккупации Ростова немцами Елена пыталась эвакуироваться, но была схвачена и расстреляна гестаповцами у станции Буденновской. Перед гибелью она утешала своих спутников, проявив невероятное мужество.

Несмотря на талант, память о Ширман долго замалчивалась — отчасти из-за еврейского происхождения. Только в 1970-х годах ее имя стало возвращаться в литературный контекст.

Ее стихи, дневники и письма — свидетельство яркой, но оборванной жизни. Сегодня Елена Ширман — символ стойкости и жертвенности военного поколения.

Елена Михайловна Ширман (1908–1942) — талантливая поэтесса, журналистка и редактор, чья жизнь трагически оборвалась во время Великой Отечественной войны. Родилась в Ростове-на-Дону, с юности проявила литературный дар, публиковалась в московских изданиях, работала в «Пионерской правде».

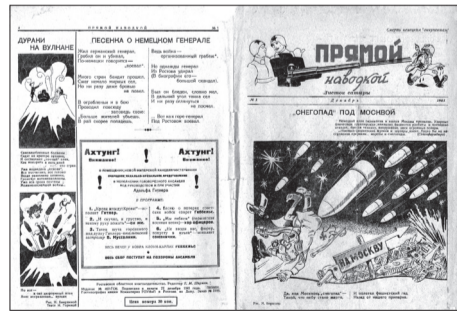
В 1941–1942 годах Елена Ширман возглавляла сатирическую газету «Прямой наводкой», которая поддерживала боевой дух защитников Ростова. Ее стихи и статьи отличались искренностью и глубиной, а сама она — редкой душевной чуткостью.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Жди меня, и я вернусь...
К. Симонов

Это будет, я знаю...
Нескоро, быть может, —
Ты войдешь бородатый,
сутулый,
иной.
Твои добрые губы станут суше
и строже,
Опаленные
временем
и войной.

Но улыбка останется.
Так иль иначе,
Я пойму — это ты.
Не в стихах, не во сне.

Оксана Бегма. «Взятие Ростова»

Я рванусь,
подбегу
и, наверно, заплачу,
Как когда-то,
уткнувшись в сырую шинель...
Ты поднимешь мне голову.

«Здравствуй...»
Непривычной рукой по щеке
проведешь.

Я ослепну от слез,
от ресниц
и от счастья.

Это будет не скоро.
Но ты — придешь.

1941

За выпуск очередного номера редакция газеты «Ростово-Нахичеванское общество любителей истории, литературы и искусств» выражает благодарность И.И. Кнышовой и Т.М. Багдыкову.

ГАЗЕТА РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ БЕСПЛАТНО В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ И РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

РОСТОВО-НАХИЧЕВАНСКОЕ ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ ИСТОРИИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВ

Главный редактор
Г.М. Багдыков
Верстка, дизайн
В.В. Резвяков
Корректор
Н.С. Лаврентьева

Публикуемые материалы не всегда отражают позицию редакции. За содержание опубликованных материалов и рекламных объявлений несут ответственность их авторы и рекламодатели. Переписка с авторами ведется только на страницах газеты. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Перепечатка материалов, опубликованных в газете, только с письменного разрешения редакции.
Над номером работали Г. Багдыков, О. Мордовина

Контакты редакции и издателя:
е-mail: rostovparis@mail.ru, gmb1971@mail.ru

Группа в ВКонтakte: «Ростово-Нахичеванское общество любителей истории, литературы и искусств»

Ссылка на телеграмм канал:
<https://t.me/NachihevanPegas>

Наш сайт Ростово-Нахичеванский Пегас: <https://rostovo-nakhichevansky-pegas.ru/>

БОЛЬШЕ
МАТЕРИАЛОВ
ДОСТУПНО НА
НАШЕМ САЙТЕ

12+

Газета отпечатана в типографии ООО «Веда», Ростовская обл., г. Таганрог, Мариупольское шоссе, 71-Е.

Объем — 4 страницы. Выходит 1 раз в квартал. Тираж 500 экз.

Заказ №

Время подписания:

по графику 15.08.2025 в 16:00, фактически 16.08.2025

в 16:00. Дата выхода в свет: 16.08.2025.